

УДК 81'36:811.111

**ВЕРБАЛИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКОМ ФОНДЕ РУССКОГО
ЯЗЫКА (на материале пословиц и поговорок с компонентом «имя собственное»)**

В.В.Катермина

**VERBALIZATION OF SOCIAL RELATIONS IN THE PAREMIOLOGICAL FUND OF THE RUSSIAN
LANGUAGE (based on proverbs and sayings with the component "proper name")**

V.V.Katermina

Кубанский государственный университет, Краснодар, katermina_v@mail.ru

Статья посвящена рассмотрению социальных отношений русского народа на материале имен собственных, входящих в состав пословиц и поговорок. В тексте проводится подробный анализ единиц с компонентом «имя собственное», отражающих сопоставимые параметры жизни русского народа. В статье подчеркивается, что пословицы и поговорки являются одним из значимых элементов, которые помогают выявить национально-культурные особенности определенного этноса.

Ключевые слова: *паремиология, социальные отношения, имя собственное, вертикальный контекст*

The article is devoted to the description of the social relations of the Russian people based on the proper names which are the component of proverbs and sayings. The paremiological units with proper names reflecting comparable parameters of a life of a Russian people are thoroughly analyzed. The idea of paremiological units being one of the essential elements which help to understand national-cultural peculiarities of a certain people is considered to be the basic idea.

Keywords: *paremiology, social relations, proper name, vertical context*

Вокруг вопроса о включении или невключении в фразеологию тех или иных видов устойчивых сочетаний разгораются дискуссии, споры. Решение вопроса в данном случае определяется той или иной общей точкой зрения на фразеологическую единицу.

Фольклорные единицы «устойчивы, раздельно оформлены и являются элементами словарного состава языка. Подавляющее большинство пословиц

относится к фразеологическим единствам, так как значение их мотивировано в современном языке и они не содержат компонентов с несвободным значением» [1].

Л.А.Булаховский так говорит о разнородных элементах русской фразеологии: «Из этих элементов заметнее других выступают: 1) пословицы и поговорки, почти сплошь лишившиеся диалектной окраски и

звучащие как обычные фразы литературного языка» [2].

Пословицы наиболее совершенны из всех фольклорных жанров и наиболее «обкатаны» в общественном многовековом употреблении. Они наиболее лаконичны, содержательны, легко удерживаются в памяти носителей языка, носят подлинно народный характер, отражая национальный менталитет народа и «возводя выражаемые идеи в ранг непререкаемых истин» [3].

И.И.Чернышева пишет о том, что есть пословицы, неизменно употребляющиеся в определенных жизненных ситуациях. В процессе общения они привлекаются как готовые выражения, обладающие меткостью, образностью и выразительностью. Речь идет о включении в фразеологию «лишь той части пословиц, которая отличается высокой частотностью употребления, воспроизводимостью, общеупотребительностью» [4]. Соглашаясь с вышеназванным положением, мы включаем в состав фразеологии пословицы, выражающие общие закономерности жизни, относящиеся к сфере общечеловеческой культуры.

Существует и другая точка зрения по данному вопросу. Сторонники этой точки зрения считают, что «вопрос о включении пословицы во фразеологическую систему остается нерешенным» [5].

Основное возражение против отнесения пословицы в разряд фразеологизмов заключалось, как известно, в том, что она в качестве произведения фольклора представляет, как правило, ритмически организованные суждения назидательного, реже — побудительного характера (в последнем случае они суждениями не являются). В отличие от слов и словосочетаний, именующих объекты, пословицы — логические единицы, выражающие то или иное суждение в яркой, меткой форме, обобщающие многовековой опыт народа. К тому же количество пословиц в языке очень велико. Большинство из них носителю языка остаются неизвестными, таким образом, то основное свойство, которое является конститутивным для фразеологии — воспроизводимость, — у пословиц как единиц паремологии отсутствует.

Как считают ученые, придерживающиеся узкого понимания фразеологии, пословица представляет собой разложимое сочетание слов, в котором значение каждого слова не меняется от употребления его вне этого сочетания. Но само это сочетание стало устойчивым в силу своего частого употребления в ритмичной форме выражения, верно передающего общественный опыт, народное наблюдение.

Пословица сама по себе имеет прямой смысл, являясь в то же время иносказанием. Сохранение прямого значения каждым из слов, входящих в пословицу, обеспечивает ей жизнь в языке. Пословица, утратившая для носителей языка прямой смысл из-за архаизации или исчезновения даже одного слова, теряет весь смысл и не может быть употреблена иносказательно.

Пословица отражает действие, то есть является сказуемым к многим подлежащим, как сказал А.А.Потебня [6]. Таким образом, будучи эквивалентом не слова, но целого рассказа, описания событий и

представляя собой законченную фразу с прямым значением, пословица не может считаться фразеологизмом в том узком понимании термина, который выработался в науке в последние годы в результате исследований ряда отечественных ученых.

Принимая определенную доказательность утверждений сторонников узкого понимания фразеологии, мы тем не менее будем включать устойчивые фразы разных структурных типов, обладающие различными семиотическими функциями (единицы фольклора, фрагменты художественных текстов, формулы приветствий) в разряд фразеологизмов, что, как нам кажется, является наиболее научно продуктивным, ведь именно при таком подходе существует возможность рассмотреть весь класс единиц, объединенных универсальными признаками устойчивости и воспроизводимости.

Фольклорные единицы с именами собственными (ИС) тесно связаны с опытом человека, культурой и историей, мифологией и религией. В пословицах и поговорках личное имя собственное — опорный знак, квинтэссенция, вывод и обобщение в виде метафоры, метонимии или синекдохи, за счет которых создается образ.

Тем не менее, иногда имя собственное в фольклоре имеет так называемое репрезентативное, представительное значение. Вместо обобщающего местоимения «любой, всякий» с тем же значением употребляется то или иное распространенное имя собственное.

В данной статье нами будут рассмотрены русские пословицы и поговорки, рассматривающие социальные отношения. Социальные отношения, по В.И. Карасику [7], оцениваются по следующим параметрам: *сопоставимые параметры жизни (богатые / бедные); отношение к труду; отношение к деньгам.*

1. Параметры жизни (богатые / бедные)

Анализ русских пословиц и поговорок, отражающих сопоставимые параметры жизни (богатый / бедный) (*Абросим не просит, а дадут — не бросит; Антипа не липа, а кожей платит; Роман — кожаный карман; Фома — большая крома; У Варвары все в кармане; Собирает на сальную свечу Василью Кузьмичу; Горюет Фома, что пуста у него сума*), позволил сделать следующие выводы:

1. Значение некоторых русских пословиц и поговорок с ИС выводится из вертикального контекста — «совокупности сведений культурного, материально-исторического, географического характера, которые предполагаются у носителя данного языка» [8]. (*Собирает на сальную свечу Василью Кузьмичу* — по русскому обычаю к гробу в церкви ставили свечи).

2. В русских пословицах и поговорках используется большое количество разнообразных канонических русских имен, имеющих репрезентативное, представительное значение; выбор имени в большинстве данных пословиц и поговорок определяется рифмой (*Горюет Фома, что пуста у него сума; Роман — кожаный карман; Собирает на сальную свечу Василью Кузьмичу*). В данном случае ИС является синонимом слов «всякий, каждый».

Одно и то же имя может употребляться для обозначения как зажиточного, так и бедного человека (*Фома — большая крома; Горюет Фома, что пуста у него сума*).

3. Бедность / зажиточность русского человека выражается через **наличие / отсутствие у него хозяйства** (*У Малашки две барашки; Живет Ермошка: есть собака да кошка; У нашего Игнашки ни овечки, ни барашка; Илья Сажин богато зажил: собаку нажил, а раньше сам лаял; В доме у Макара кошка, комар да мошка*) и **одежды** (*Наш Афоня в одном балахоне и в пир, и в мир, и в подоконье; У нашего Ивашки, что ни год, то рубашка; Наряжается, что Маланья на свадьбу*).

2. Отношение к труду

Труд — «целесообразная деятельность человека, направленная на создание с помощью орудий производства материальных и духовных ценностей, необходимых для жизни людей» [9].

В русских пословицах и поговорках выделяется такой параметр, как трудолюбие (*Для доброго Федота не тягостна работа; В поле Маланья не ради гулянья, а спинушку гнет для запаса вперед; Анна таланна, Анна затычка банна*).

Понятию «лень» как «отвращению от труда, от дела, занятий; склонности к праздности, к тунеядству» [10] синонимичны такие понятия, как «безделье» (лень, скука и праздность; забава, неважное, ничтожное занятие) и «праздность» (безделье), что и нашло отражение в русских пословицах и поговорках с компонентом ИС.

Русское безделье можно разделить на два типа.

1. **Активное** (заниматься пустяками) (*Ерема, Ерема! Сидел бы ты дома, да точил веретена*). Порицание неважного, легкого занятия связывается с исторически сложившимся представлением о крестьянском труде как физически тяжелой, трудной работе. На этом фоне любая другая работа казалась легкой и поэтому ничтожной (в Толковом словаре живого великорусского языка В.И. Даля данная пословица объясняется так: *точить веретена — о деле, которое не требует рассудка*).

2. **Пассивное безделье** (отдыхать, пребывать в праздности) (*Сидит Елесья ноги свеся; Кобылка бежит, а Ивашка лежит; Девушка Гагула села пряхть, да и заснула*).

Однокоренным к слову «праздность» в русском языке является «праздновать», одним из значений которого является «отдыхать, по обычаю, в день памяти кого или чего». Часто сроки празднования нарушались, и веселье переносилось на будни, что нашло отражение в группе русских пословиц (*Нынче Симоны, завтра Гулимоны, а там по кабакам крестный ход; У него то Саввы, то Варвары*).

В русских пословицах и поговорках осуждается некачественная, небрежная работа, нежелание добросовестно трудиться (*Портной Данила, что ни шьет, то гнило; Швеи Кузя все узит; Мерили черт да Тарас, у них веревка оборвалась*). Труд предполагает получение вознаграждения, чаще всего в форме денег.

3. Отношение к деньгам

Отношение к деньгам — это один из важных аспектов для понимания сущности языковой лично-

сти. Деньги всегда являлись показателем благосостояния, и их наличие / отсутствие указывало на принадлежность к той или иной общественной группе. Для русских пословиц и поговорок характерно несколько способов «выявления» подобного отношения к человеку через деньги:

1. **Средства суффиксального образования имен** (*У Фомушки денежки — Фомушка Фома, у Фомушки нет денежек — Фомка Фомка*). А. Вежицкая, рассматривая русское экспрессивное словообразование, интерпретирует суффиксы *-ушка, -ка* следующим образом: «суффикс *-ушка* передает ласку, доброе отношение» [11]. Суффикс *-ка* сохранил до сегодняшних дней исконные черты, заключающиеся в выражении высокомерного отношения к адресату и в принижении его статуса в отношениях с говорящим. Все это явно проиллюстрировано в приведенной выше пословице (*Фома — Фомушка — Фомка*).

2. **Название человека по имени-отчеству** (*С деньгами Петр Петрович, а без денег — паршивая сволочь*). В обществе обращение к человеку по имени-отчеству всегда является знаком уважения к нему, признанием его более высокого социального статуса.

3. **Выражение противоположных чувств и отношений в зависимости от наличия / отсутствия денег** (*При деньгах Панфил всем сегодня мил, без денег Панфил всем постыл; Были денежки — любили Сеню девушки, а не стало денежек — забыли Сеню девушки*). Для достижения экспрессивности используются противоположные по значению слова (*мил — постыл; любили — забыли*).

Подобное отношение к человеку, меняющееся в зависимости от наличия / отсутствия у него денег, безусловно, осуждается русской языковой личностью.

Итак, пословицы и поговорки отражают общественный строй, воззрения народа, идеологию эпохи. Они представляют национальные реалии, составляющие самобытность культуры того или иного народа. Являясь необходимым компонентом языка, они неразрывно связаны с познанием человеческой личности.

1. Кунин А.В. Некоторые вопросы английской фразеологии // *Англо-русский фразеологический словарь*. М.: Изд-во иностранных и национальных словарей, 1955. С. 5.
2. Булаховский А.А. Курс русского литературного языка. Киев: Рад. шк., 1952. С. 103.
3. Лыков А.Г. Лингвистический статус языка русского фольклора // *Потенциал русского языка*. Краснодар: КубГУ, 1997. С. 45.
4. Чернышева И.И. Старые проблемы в новой лингвистической парадигме // *Филологические науки*. 1997. № 2. С. 76-82.
5. Жуков В.П. Пословица // *Лингвистический энциклопедический словарь*. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 389.
6. Потебня А.А. Теоретическая поэтика. М.: Высшая школа, 1990. 344 с.
7. Карасик В.И. Язык социального статуса. М.: Ин-т языкознания РАН; Волгогр. гос. пед. ин-т, 1992. 330 с.
8. Ахманова О.С., Гюббенет И.С. «Вертикальный контекст» как филологическая проблема // *Вопросы языкознания*. 1997. № 3. С. 47-54.
9. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Рус. яз., 1983. С. 722.

10. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: ТЕРРА, 1995. Т. 2. С. 278.
11. Вежицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1996. С. 131.

References

1. Kunin A.V. Nekotorye voprosy angliiskoy frazeologii [Some questions of English phraseology]. Anglo-russkii frazeologicheskii slovar' [English-Russian phraseological dictionary]. Moscow, Inostarannikh i Natsionalnikh Slovari Publ., 1955, p. 5.
2. Bulakhovskiy A.A. Kurs russkogo literaturnogo yazyka [The Course of Russian literary language]. Kiev: Rad. Shk., 1952, p. 103.
3. Lykov A.G. Lingvisticheskiy status yazyka russkogo folklora [Linguistic status of the language of the Russian folklore]. Potentsial russkogo yazyka [The Potential of the Russian Language]. Krasnodar, Kuban state university publ., 1997, p. 45.
4. Chernysheva I.I. Starye problemy v novoi lingvisticheskoy paradigme [Old problems in the new linguistic paradigm]. Filologicheskie nauki [Philological Sciences], 1997, no. 2, pp. 76-82.
5. Zhukov V.P. Poslovitsa [A proverb]. Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar' [The Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Sovetskaya Encyclopaedia Publ., 1990, p. 389.
6. Potebnya A.A. Teoreticheskaya poetika [Theoretical poetics]. Moscow, Vysshaya shkola publ., 1990. 344 p.
7. Karasik V.I. Yazyk sotsialnogo statusa [The language of a social status]. Moscow, Inst. Yaz. RAN; Volgogr. Gos. Ped. Inst., 1992. 330 p.
8. Akhmanova O.S., Gyubbenet I.S. Vertikalnyi kontekst kak filologicheskaya problema [Vertical context as a philological problem]. Voprosy yazykoznaviya, 1997, no 3, pp. 47-54.
9. Ozhegov S.I. Slovar' russkogo yazyka [The Dictionary of the Russian language]. Moscow, Rus. yaz., 1983, p. 722.
10. Dal V.I. Tolkovyi slovar zhivogo velikorusskogo yazyka [The Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. Moscow, TERRA, 1995. Vol. 2, p. 278.
11. Vezhickaja A. Jazyk. Kul'tura. Poznanie. M.: Pvskie slovari, 1996, p. 131.